

М.Ю.Сорокина

*Круги жизни
Николая Мартиновича —
ученого, дипломата,
эмигранта*

Что важнее для развития науки: деньги или свобода? Еще совершенно очевидный в тоталитарном вчера, ответ на этот вопрос сегодня видится более проблематичным. Советский и постсоветский периоды предоставляют отрезвляющий и даже шокирующий материал для ответа на этот вопрос, отмечает известный американский историк российской науки Лоран Грэхэм в недавно изданной книге «Чему нас учит опыт российской науки и технологии»¹. Очень немногие из живущих за пределами бывшего Советского Союза, констатирует историк, имеют ясное представление об экстремальных условиях — будь то масштабы фаворитизма, который был присущ науке в СССР, или репрессий, которую она подвергалась на протяжении жизни двух последних поколений. Однако необыкновенный расцвет многих научных дисциплин в годы сталинского режима и их стагнация в условиях демократического реформирования ставят «обескураживающие», по выражению американского историка, вопросы перед науковедами.

История российской этнографии как самостоятельной научной дисциплины, особенно в советское время, до сих пор остается еще недостаточно изученной, и нет еще ясности, в какой мере потери российского сообщества этнографов в первой половине XX столетия, вызванные как эмиграцией ученых после октябрьского переворота 1917 г., так и политическими репрессиями 20-х—начала 50-х годов, повлияли на масштабы, темпы, направления, тематику и методологию этнографических исследований в одной из самых полиэтничных стран современного мира².

Только с первой волной послеоктябрьских политических исследований и эмиграции ученых Россию покинули (или не воз-

вратились) В.И.Иохельсон, С.М.Широкогоров, В.Ф.Минорский, Н.А.Невский, В.П.Никитин, В.А.Иванов и ряд других крупных или обещавших стать таковыми исследователей³. Однако в недавно изданной энциклопедии «Русское зарубежье: Золотая книга русской эмиграции» (М., 1997) нет вообще ни одного имени этнографа, за исключением выдающегося япониста Н.А.Невского*.

То, что стало потерей для российского научного сообщества и для российского национального самосознания в целом, обернулось значительным приобретением для мировой этнографии. Арестованный ЧК в начале мая 1921 г. и освобожденный после заступничества А.М.Горького выдающийся этнограф-северовед Владимир Ильич Иохельсон (1855—1943) в 1922 г. эмигрировал в США⁴, где издал на английском свои важнейшие монографии по истории, этнологии и антропологии северных народов (алеутов, юкагиров и др.)⁵. Профессиональный революционер, народник, он был впервые арестован в 1885 г. и провел два года в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Высланный затем на 10 лет на Колыму, Иохельсон начал там свои научные исследования. Участник Якутской сибиряковской экспедиции Д.А.Клеменца (1895—1897), руководитель корякско-юкагирского отряда Джезуповской экспедиции (The Jesup North Pacific Expedition; 1899—1902) и этнографической части экспедиции Ф.П.Рябушинского на Камчатку и Алеутские острова (1909—1910), действительный член Русского географического общества и профессор Петроградского университета — вот далеко не полный перечень вех научной биографии В.И.Иохельсона, определяющих значительную роль ученого в истории этнологического освоения российских северных территорий.

Известный этнолог, лингвист, археолог и антрополог, исследователь Сибири и стран Дальнего Востока Сергей Михайлович Широкогоров (1887—1939)⁶, до революции совершивший ряд экспедиций в Забайкалье, Якутию, Приморье, в том же, 1922 г. эмигрировал в Китай и в дальнейшем преподавал в университетах Пекина, Шанхая, Амоя и Кантона. Именно в годы эмиграции вышли его основные труды по тунгусоведению, сибирскому шаманизму, системе родства и социальной организации у тунгусов и маньчжуров, физической антропологии национальных меньшинств в Китае, теоретической этнологии, социологии и лингвистике, навсегда закрепившие за ним репутацию одного из самых крупных ученых-этнологов XX в.

* Об особенностях жизненного пути Н.А.Невского, находившегося в 1915—1929 гг. в Японии, и его трагической судьбе (расстрелян в 1937 г. в Ленинграде как «японский шпион») см.: *Решетов А.М.* Н.А.Невский как этнограф. — ЭО. 1993, № 6, с. 115—127. — *Ред.*

Не вернулся на родину после революции 1917 г. и выдающийся русский тюрколог, выпускник Лазаревского института восточных языков Владимир Федорович Минорский (1877—1966). По словам его учителя А.Е.Крымского, Минорский «превосходно <...> владел всеми восточными языками, он изъездил Персию вдоль и поперек, знает ее, понимает ее. По убеждениям это человек кристальной честности и неподкупности»⁷. Первый секретарь посольства и поверенный в делах России в Персии, Минорский до 1919 г. оставался в этой стране, а затем жил во Франции, где с 1923 г. читал лекции по истории персидской литературы в Национальной школе восточных языков. С 1932 г. ученый преподавал в Школе восточных и африканских исследований при Лондонском университете, позднее в Кембридже, где и скончался, завещав, однако, похоронить себя в России⁸.

Николай Николаевич Мартинович (1883—1954), одной из областей научных интересов которого были этнография и фольклор турок Малой Азии, принадлежал к той линии дореволюционного практического/прикладного востоковедения, в рамках которой выросла целая генерация российских ориенталистов-дипломатов. Состоявшие на службе по ведомству Министерства иностранных дел Н.В.Ханыков, Ч.Валиханов, Н.Ф.Петровский, В.А.Жуковский, П.А.Дмитревский, В.Ф.Минорский, В.П.Никитин, Л.В.Урусов, А.Н.Мандельштам, А.Н.Шебунин и др. по своим творческим интенциям считали себя историками, фольклористами, этнографами. Многие из них гармонично сочетали интерес к седой древности, многовековым традициям и культуре восточных народов с изучением новейшей политической и экономической истории стран пребывания; другие явно тяготились дипломатической чиновничьей лямкой, служившей для них преимущественно средством к существованию. Внутреннюю, психологическую драму этой группы русских ориенталистов, к которой относился и Н.Н.Мартинович, образно выразил в дневнике иранист В.П.Никитин, почти 30 лет эмиграции прослуживший в парижском банке: «Сердце тянет больше к изучению персидской психики, чем к рассмотрению ввоза в Египет сапожного инструмента»⁹.

Первая печатная работа Николая Мартиновича, тогда еще студента Петербургского университета, — краткий отчет о командировке в Малую Азию — была опубликована в 1907 г.¹⁰; последняя — монография "The Turkish Theatre" вышла вторым изданием в Нью-Йорке в 1968 г., через 14 лет после кончины автора. Пересеченная репрессиями жизнь ученого оказалась разделена на две равновеликие части: в 1917 г. ему исполнилось 34 года, и почти столько же лет он провел в эмиграции. После трех арестов(!) Мартинович бежал из России в 1922 г. и всю дальнейшую жизнь

Н.Н.Мартинович— студент

провел в США, где в 40 милях от Нью-Йорка, в местечке Спринг Вэлли (Spring Valley), и был похоронен на кладбище православного Ново-Дивеевского женского монастыря¹¹.

Научная судьба Николая Мартиновича являет пример иного рода, чем внешне «благополучные» биографии В.И.Иохельсона, С.М.Широкогорова или В.Ф.Минорского. Несмотря на то что в эмиграции он стал членом Королевского Азиатского общества Великобритании, Азиатского общества в Париже, Персидского общества США и других влиятельных профессиональных ориенталистских организаций, академическая карьера Мартиновича в США не сложилась. Перебиваясь краткосрочными контрактами на преподавание, в 20—30-е годы он преимущественно занимался описанием восточных коллекций крупнейших американских библиотек и музеев (Нью-Йоркской публичной библиотеки, Музеев изящных искусств в Бостоне и Филадельфии, а также ряда частных собраний)¹². Выброшенный октябрьским взрывом из привычных условий жизни, Николай Мартинович, как и многие его соотечественники-эмигранты, с трудом адаптировался к заокеанскому социокультурному ландшафту, который так никогда и не стал для него естественной средой.

Несмотря на эмигрантское «клеймо», на родине имя ученого не было вычеркнуто из историографических обзоров российской тюркологии¹³. Его не забывали, хотя и «похоронили» в отечественной историографии в 1939 г., между тем Николай Мартинович прожил еще 15 лет. «Железный занавес» идеологического противостояния времен «холодной войны» оказался куда менее проницаемым для интеллектуального информационного обмена, чем самые кровавые ежовско-бериевские 30-е или «сороковые-роковые» (Д.Самойлов). Настоящая статья выросла из поиска биографических материалов ученого для Биобиблиографического словаря репрессированных отечественных востоковедов; она лишь намечает контуры судьбы одного из тех русских представителей «науки о Востоке» (В.М.Алексеев), чья жизнь и деятельность оказались поделенными между странами и континентами.

* * *

Н.Н.Мартинович родился 27 апреля 1883 г. (ст. ст.) в Петербурге в дворянской семье чиновника Министерства внутренних дел, надворного советника Николая Павловича Мартиновича¹⁴. Он учился в 1-й Петербургской, а затем в Новгородской классической гимназии, которую окончил в 1901 г. Летом того же года Мартинович подал прошение ректору Императорского Петербургского университета о зачислении на факультет восточных языков по арабо-персидско-турецко-татарскому разряду. По-видимому, выбор специальности и языкового региона был продиктован не в последнюю очередь семейными традициями: отец Мартиновича недолго служил в МИДе, возможно, в Румынии и Турции, куда во время учебы Николай неоднократно просил об отпуске по семейным обстоятельствам¹⁵. В апреле 1907 г. он получил выпускное свидетельство Петербургского университета¹⁶ и начал свою службу в МИДе, где был причислен к 1-му департаменту.

На протяжении 1907—1914 гг. Николай Мартинович служил в российских дипломатических представительствах в Александрии, Афинах, Салониках, Стамбуле, на Крите¹⁷. Малоазийское направление в эти годы занимало важное место во внешней политике Российской империи, политические, конфессиональные и торговые интересы которой в этом регионе постоянно сталкивались с геополитической экспансией других европейских держав. В посольствах и консульствах России на Ближнем и Среднем Востоке работала целая когорта русских дипломатов, настоящих знатоков Востока, его исторического менталитета и культурных традиций, — И.А.Зиновьев, А.М.Петряев, А.И.Щербатской,

В.Ф.Минорский, А.Н.Шебунин, А.Н.Мандельштам и др. Общие и совместная работа с ними могли серьезно способствовать карьерному росту молодого дипломата, однако в МИДе Мартинович оставался на третьестепенных ролях, по-видимому, и не собираясь продвигаться по служебной лестнице. Его главные интересы лежали в научной плоскости; при первой же возможности он оставил дипломатическую службу и в 1915 г. стал приват-доцентом Петербургского университета, где преподавал до самого 1922 г. В 1916 г. Мартинович сдал в Петроградском университете экзамены на звание магистра турецко-татарской словесности, с 1917 г. читал там ряд факультативных курсов по истории турецкой литературы и языка: «История османской поэзии и чтение поэтических текстов», «Иносказательные формы в османском языке и литературе», «Особенности слога в романах Кемаль-бея»¹⁸, а после революции недолго профессорствовал в Петроградском институте живых восточных языков.

* * *

Отношения с Османской империей были одним из приоритетных направлений внешней политики России в XVIII—XX вв. Однако интенсивность научного освоения одного из главных мировых центров пересечения христианской и мусульманской цивилизаций существенно отставала от динамики дипломатического общения, и в конце XIX—начале XX в. бывший Константинополь, а теперь Стамбул еще оставался «запретным городом» для европейской науки¹⁹. Только благодаря изменению геополитической конфигурации и дипломатической поддержке основанный в 1894 г. и руководимый акад. Ф.И.Успенским Русский археологический институт в Константинополе первым из иностранных научных учреждений получил от турецких властей право на ведение археологических раскопок в храмах города²⁰. Между тем сам Ф.И.Успенский отмечал, что русские не пользуются на Востоке тем же почтением, «которое внушили к себе "франки", т.е. западные европейцы. И это потому, что в международном состязании на Ближнем Востоке мы не заняли передовых и важных позиций, что мы не подействовали на воображение турок ни нашими культурными учреждениями, ни школьными постройками, религиозными миссиями, благотворительными организациями и промышленными предприятиями, какowymi столь искусно воспользовались в Турции французы, англичане, немцы и итальянцы»²¹.

Действительно, несмотря на первостепенную важность турецкого направления, к началу XX в. туркология, или османистика,

была молодой востоковедной дисциплиной в России. Первым русским тюркологом, избравшим основной специальностью изучение истории Турции, ее языка и литературы, стал Владимир Дмитриевич Смирнов (1846—1922)²². Почти 40 лет — с 1873 по 1919 г. он возглавлял кафедру турецко-татарской словесности факультета восточных языков Петербургского университета и читал все основные тюркологические курсы — по османскому языку, истории и литературе.

По университетской генеалогии Смирнов был непосредственным наставником Николая Мартиновича, однако своего «официального» учителя последний называл позднее «мой мучитель». Возможно, за этой лаконичной, но выразительной формулировкой стояла острая внутриинституциональная борьба так называемых русской и немецкой научных партий²³, сопровождавшая развитие как османистики, так и в целом университетской и академической науки в России. По определению современных историков востоковедения, В.Д.Смирнов «прошел *русскую* (курсив мой. — М.С.) школу востоковедения»²⁴, своим учителем он почитал В.В.Григорьева (1816—1881) — известного сторонника «русского колониализма» в Средней Азии. Публицист правого толка и цензор мусульманских изданий Смирнов вызывал резкое осуждение либеральных научных кругов, обвинявших его в целенаправленном торможении культурного роста российского мусульманства. По-видимому, Мартинович, кадет по политическим симпатиям, и в науке предпочел другую профессиональную родословную — своими подлинными наставниками он считал прежде всего арабиста Виктора Романовича Розена (1849—1908) и тюрколога Василия Владимировича Бартольда (1869—1930)²⁵.

Еще в студенческие годы Николай Мартинович проявил склонность к научным занятиям. В его небольшом личном фонде в рукописном отделе Российской национальной библиотеки²⁶ сохранились ученические статьи «Греко-бактрийское царство» (1902), «Обзор путешествий европейцев в Аравию» (1903)²⁷ и др. В годы учебы при поддержке факультета восточных языков Мартинович неоднократно ездил в научные командировки, являвшиеся обязательной составляющей университетского учебного процесса. В 1905 г. он побыл в Брусе — бывшей столице Османской империи (до Адрианополя) и отчет об этой поездке представил в виде доклада на заседании Императорского Русского географического общества (ИРГО) в 1906 г.²⁸. Страна, в которой абсолютно органично сосуществовали и соседствовали многовековая история и жгучая современность, представляла большой этнографический интерес для ученых. Вместе с будущим академиком тюркологом В.А.Гордлевским (1876—1956) Мартинович

собирал и записывал в Брусе в кофейнях, выполнявших функцию своего рода местных клубов, обширный фольклорный материал — от старинных османских заклинаний против змей до дестанов, посвященных войне России с Японией (1904—1905). Описания игр, национальных кварталов Брусы — армянских, греческих, еврейских, различных сект, обычаев и праздников, погребальных обрядов, тексты песен, дестанов и пьес народного театра, музыка, пословицы (с русскими эквивалентами) — весь собранный Мартиновичем материал вошел в его доклад для ИРГО и был сразу опубликован. Особый интерес молодой ученый проявил к проблеме межкультурных и межконфессиональных контактов. В докладе он специально выделил факт наличия множества нетурецких школ: армянских, греческих, иезуитских, протестантских и др. В то же время изучение контактов и жизни славянских переселенцев в инокультурной среде также привлекало внимание Николая Николаевича, и он собирался совершить поездку к некрасовцам — русским казакам-старообрядцам, издавна поселившимся в Турции на Маниас-Голе и озере Майнос²⁹.

Серьезный научный успех первой поездки Мартиновича в Малую Азию способствовал тому, что уже летом следующего, 1906 г. он вновь туда командирован Университетом для научных занятий³⁰ при поддержке Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Если во время поездки 1905 г. молодой ученый экспериментально нащупывал будущие приоритетные направления своих исследований и собирал самые разнообразные этнографические материалы, то экспедиция 1906 г. была уже целенаправленно посвящена той области турецкой культуры, изучением которой Мартинович будет заниматься всю жизнь, — народному театру. В г. Ески-Шехир он записал множество турецких народных сказок (в том числе «об угадчике поневоле»), легенд, загадок, а также новый вариант весьма распространенного сюжета о «старике-ворожее» (имеющегося в норвежском, немецком, арабском, персидском, индийском фольклоре).

Главным содержанием поездки 1906 г. стало изучение турецкого кукольного театра *карагöz*, подробному описанию которого Мартинович посвятил свою самую большую дореволюционную научную статью³¹. Отечественных предшественников в разработке этой темы у него практически не было; только в 1903 г. в Тифлисе В.Ф.Минорский издал небольшую книжку «Константинопольские увеселения», в которой несколько страниц посвятил этому театру. Кроме того, несколько пьес *карагöза* были записаны еще И.Куношем и помещены в 8-м томе «Образцов» В.В.Радлова³². Таким образом, работа Мартиновича, основанная на лич-

ных беседах ученого с исполнителями *карагöза* и собранном им фольклорном материале во время поездок в 1905 и 1906 гг., стала новаторской для отечественной этнографии.

«Карагöз», пояснял в статье ученый, значит «черноглазый»; так называется главное действующее лицо представления, поэтому и сам театр получил такое наименование. *Карагöз* был одной из самых любимых народных забав в период рамазана — мусульманского месяца поста, во время которого только вечером разрешается обедать и веселиться. Он устраивался в кофейнях и очень напоминал так называемые «китайские тени», которые в России показывали на волшебном фонаре. Мартинович дает обстоятельный разбор историографии происхождения этого театра у турок, детально описывает его внешнее и внутреннее устройство, роли и функции *хайалджи* — артиста-импровизатора, управляющего куклами, а также сами отдельные куклы (калека, тюрк, еврей, греческий поп, европеец) и ход пьес. В приложении к статье Мартинович опубликовал свой перевод с турецкого языка пяти пьес *карагöза*.

Исследование *карагöза* снискало широкое научное признание и создало его автору репутацию многообещающего молодого ученого. Главный печатный орган отделения этнографии ИРГО журнал «Живая старина» предложил Мартиновичу опубликовать собранные материалы в выпуске, посвященном 50-летию ученой деятельности акад. В.В.Радлова³³; ИРГО удостоил его в 1906 г. золотой медали, наконец, наряду с самыми известными русскими учеными — В.В.Бартольд, И.А.Бодуэном де Куртенэ, С.К.Буличем, И.Ю.Крачковским и др. — Мартиновича пригласили участвовать в сборнике в честь 70-летия Г.Н.Потанина³⁴.

Однако после поступления Н.Мартиновича на службу в МИД его контакты с научными обществами становятся более эпизодическими. Еще в 1909 г. он выступил в ИРГО с докладом «Несколько слов о малоазийских кочевниках (юрюках)»³⁵; 30 апреля того же года на заседании Восточного отделения Императорского Русского археологического общества (ИРАО) Мартинович представил сообщение о новом сборнике стихов Джелаль-эд-Дина Руми³⁶; 26 ноября — сообщение «Несколько слов о турецких рукописях библиотеки Римской Академии наук»³⁷. Однако сведения о других научных работах Мартиновича этого периода относятся уже только к 1915 г.: 26 ноября он выступил в Восточном отделении ИРАО с сообщением «Из критских впечатлений турецкого путешественника XVII в. и русского XX в.»³⁸, а в 1918 г. представил для обсуждения в Русском Библиологическом обществе доклад «Турецкие библиотеки»³⁹. Кроме того, в архиве акад. В.В.Бартольда сохранилась корректура статьи Марти-

новича «Турецкие историки о Крите. Хасан Кюрди»⁴⁰, предназначавшейся для невышедшего журнала «Мир ислама» (№ 2).

Спад печатной научной активности Мартиновича к концу 10-х годов был, по-видимому, связан не только с переориентацией его научных интересов с исторических и этнографических сюжетов на филологические, но и с тем, что в эти годы Николай Николаевич активно участвовал в политической деятельности конституционно-демократической партии (кадетов). «Я был левый кадет, — писал он в 1946 г. историку Г.В.Вернадскому, — даже член Петербургского центрального комитета партии, сподвижник, хотя и младший, Милюкова, Шингарева, Винавера, Дубоссарского и др.»⁴¹. Сегодня эта сторона его жизни малоизвестна, однако вряд ли приходится сомневаться в том, что именно она стала причиной пристального внимания к Мартиновичу со стороны ВЧК после октябрьского переворота 1917 г.

* * *

Впервые Николай Мартинович был арестован в начале сентября 1919 г. в группе университетской кадетской профессуры по делу «Национального центра» — нелегальной организации, объединявшей представителей различных политических партий (кадеты, эсеры) и общественных организаций, пытавшихся противостоять большевикам. Еще 22 августа 1919 г. заместитель начальника Особого отдела ВЧК И.П.Павлуновский проинформировал В.И.Ленина о раскрытии организации и готовящейся ВЧК операции по аресту ее участников. На следующий день председатель СНК выдал письменную директиву Ф.Э.Дзержинскому: «На прилагаемую бумажку, т.е. на эту операцию, надо обратить глубокое внимание. Быстро и энергично и пошире надо захватить»⁴². И с 28—29 августа начались повальные аресты в обеих столицах.

Костяк «Национального центра» составляли кадеты — члены партии, наиболее популярной в среде интеллигенции, особенно элитарной, что дало повод ЧК произвести большую «очистительную» операцию среди столичной и московской интеллигенции. «Нельзя не арестовывать, — писал в эти дни В.И.Ленин, — для предупреждения заговоров, всей кадетской или околкадетской публики. Она способна, вся, помогать заговорщикам. Преступно не арестовывать ее. Лучше, чтобы десятки и сотни интеллигентов посидели деньки и недельки, чем чтобы 10 000 [рабочих и крестьян] были перебиты. Ей-ей лучше»⁴³.

В соответствии с таким классовым подходом в качестве превентивной меры ЧК в начале сентября провела массовые аресты

и обыски. «По слухам, — писал один из многолетних руководителей Литературного фонда Ф.Д.Батюшков, — аресты производились по прежним спискам кадетской партии, ныне совершенно рассеянной, без разбора степени активности того или иного лица в борьбе политических партий. Забирались люди, ставшие на работу культурно-просветительного характера, даже состоявшие на советской службе при Комиссариате народного просвещения»⁴⁴.

Аресты в Петрограде затронули прежде всего Университет. Специальное дело, заведенное в канцелярии Университета в связи с осенними арестами, дает наглядное представление об их динамике и направленности⁴⁵. Первая волна прошла 2—4 сентября. Кроме Мартиновича были арестованы профессора и преподаватели-гуманитарии — Д.Д.Гримм (римское право), А.М.Кулишер (государственное право), П.Г.Мижув (всеобщая история), О.А.Добиаш-Рождественская (всеобщая история), Н.Н.Розин (уголовное право), С.К.Булич и Л.В.Щерба (сравнительное языкознание), М.Я.Пергамент и Б.С.Мартынов (гражданское право), Л.В.Ходский (финансовое право), Н.А.Буш, С.Ф.Ольденбург (востоковедение) и профессор-зоолог К.М.Дерюгин. Через 10 дней, 11—14 сентября, последовала еще одна волна, менее обширная (аресты профессора-политэконома А.И.Буковецкого, С.Е.Рынкевич, В.М.Нарбута и др.). Таким образом, число арестованных по Петроградскому университету достигло 19 человек, а составленная Объединенным советом научных учреждений и высших учебных заведений Петрограда «таблица» арестованных осенью 1919 г. ученых насчитывала 116 чел.⁴⁶.

Почти сразу же ректор Петроградского университета, известный филолог-классик С.А.Жебелев стал рассылать ходатайства за арестованных. Прежде всего официальные бумаги пошли в Наркомат просвещения; характер ареста казался абсолютно ясным ректору; в письме к замнаркома просвещения З.Г.Гринбергу он четко определил, что ученые находятся под «политическим арестом»⁴⁷. 18 сентября 1919 г. за подписью ректора С.А.Жебелева и членов Президиума правления университета Д.К.Петрова, Н.Я.Марра и И.Ивановского была составлена форма «поручительства» Университета за арестованных коллег: «Президиум 1-го Петроградского университета настоящим дает подписку в том, что он согласен взять на поруки...»⁴⁸. Возможно, ее содержание было подсказано или продиктовано непосредственно людьми из ЧК, хорошо понимавшими, что подобными «поручительствами» они создают систему тотального страха и круговой поруки, при которой «заключенные» и «еще свободные» оказываются нравственно и событийно повязаны; все они плотно обволакивались единой

сеть, вход и выход из которой надежно контролировался ЧК. Используя поручительства, чекисты достигали и другой цели — пофамильного выявления потенциальной оппозиции, пусть она носила не конкретный политический, а скорее морально-этический характер; в глазах карателя это не имело значения. Одновременно достигался эффект деморализации ученой среды: необходимость делать нелегкий для многих выбор гражданской и морально-нравственной позиции — ставить свою подпись под поручительством или нет, зная о возможных негативных последствиях, — безусловно, вызывала значительный душевный разлад. Произвол, насилие, тревога за близких, понимание абсолютной бесконтрольности ЧК — все это создавало ощущение безысходности.

Первая массовая кампания преследований научных работников по политическим взглядам вызвала ответную реакцию самых различных общественных кругов. Карательная политика ЧК обеспокоила не только самих представителей интеллигенции, но и наиболее дальновидных большевистских руководителей. 6 сентября 1919 г. уполномоченный Наркомпроса по Петрограду М.П.Кристи писал наркому просвещения А.В.Луначарскому: «В течение последней недели в Петрограде, по распоряжению ЧК, арестовано несколько десятков ученых и профессоров. Аресты эти совершенно дезорганизовали местные высшие учебные заведения и создали такую моральную атмосферу, при которой невозможны никакие занятия. С таким тяжелым положением необходимо было бы примириться, если бы оно являлось неизбежным следствием мероприятий, предпринятых в более важных государственных интересах и с необходимой в данном случае осторожностью и тактичностью. Но аресты таких всемирно известных ученых, как академики Ольденбург и Белопольский⁴⁹, без всякого серьезного для этого основания, дают только лишний повод нашим врагам за границы для обвинений Советской власти в разгроме русской науки. Большинство ученых арестовано в настоящее время как бывшие члены кадетской партии. Но многие из них никогда в этой партии не состояли, а были рекомендованы ею при выборах в Городскую думу, а между тем списком этих кандидатов, по-видимому, и руководятся при происходящих сейчас массовых арестах так называемых кадетов. Но даже бывшая принадлежность к этой партии в свое время является крайне ошибочным критерием для определения нынешней политической физиономии большинства ученых. Из знакомства моего с этим миром в качестве заведующего Петроградскими учеными учреждениями и высшими учебными учреждениями я могу утверждать, что большинство из них примирилось с Советской вла-

стью и относилось к ней вполне лояльно. Процесс этот с течением времени и по мере укрепления Советской власти как организованного государства захватывал все большие круги интеллигенции, оставшейся в пределах Советской России и убеждающейся на опыте в ее широкой культурно-просветительной цели. К сожалению, такие мероприятия, как массовые аресты, производящиеся сейчас по примитивным соображениям и методам и носящие поэтому характер настоящего погрома на интеллигенцию, отбрасывают нас к первой стадии стихийной пролетарской революции и уничтожают все достигнутые моральные завоевания. На всю неосмотрительность, вредность и бесцельность подобных мероприятий, затрагивающих и расстраивающих очень сложную и чувствительную сторону государственного культурного аппарата страны, считаю долгом обратить внимание народного комиссара по просвещению и просить его сделать самые срочные и настоятельные представления, куда следует, о прекращении подобных арестов и об освобождении уже арестованных, если за ними нет в настоящем никаких инкриминирующих преступлений, а я утверждаю, что такие лица, как академик Ольденбург, профессора Буш, Осипов, Депп, Добиаш-Рождественская и многие другие, вполне лояльны к Советской власти, которая на исходе своего двухлетнего существования имеет уже возможность и должна, в широких государственных интересах, представить гражданам элементарные гарантии личной свободы»⁵⁰.

Привожу это письмо целиком, ибо оно выражает концептуальную платформу культурной политики тех представителей новой власти, которые, разделяя идеологию большевизма, все же видели и понимали необходимость создания основ гражданского согласия и сотрудничества всех социальных слоев российского общества. В качестве базового принципа они выдвигали идею «государственной пользы» — этатистскую по сути и столь понятную и созвучную патриотическим устремлениям либеральной интеллигенции. Эту основополагающую идею государственного строительства разделяли многие ученые. Именно здесь возникала почва для взаимопонимания, и ее эрозия действиями ВЧК при поддержке или молчаливом согласии большевистских лидеров болезненно воспринималась интеллигентами самых различных политических ориентаций.

Важную роль в наведении мостов между новой властью и интеллигенцией играл в это время М.Горький. Период с сентября по ноябрь 1919 г. стал для него временем напряженной полемики с В.И.Лениным. В первом же письме председателю СНК от 6 сентября 1919 г. писатель, излагая свой взгляд на красный террор по отношению к интеллигенции и свое понимание роли

интеллигенции в жизни общества, жестко заявил: «Я становлюсь на сторону этих людей и предпочитаю арест и тюремное заключение участию — хотя бы и молчаливому — в истреблении лучших, ценнейших сил русского народа. Для меня стало вполне ясно, что "красные" — такие же враги народа, как и "белые"»⁵¹.

Это письмо было передано В.И.Ленину проф. Военно-медицинской академии В.Н.Тонковым, который специально приехал из Петрограда в Москву ходатайствовать об освобождении арестованных. В его записной книжке отмечено: «11 сент. После 7 часов с Луначарским — у Ленина. Беседовал с ним полчаса, даже спорил об аполитичности ученых (братья Пергамент); добился обещания о пайке, о скорейшем рассмотрении дела об арестованных и об освобождении их»⁵². Другая любопытная запись В.Н.Тонкова свидетельствует о том, как он передавал заступническое письмо Горького: «Я знал содержание письма и, не зная, как Ленин будет реагировать на него, утаил его от Ленина, чтобы не испортить беседы, которой мы придавали важное значение. И только уходя от него, сказал: "Да, вот письмо от Алексея Максимовича". Прочитав письмо, Ленин рассмеялся и сказал: "Горький как был ребенком в политике, так и остался..."»⁵³.

В самом деле, Тонков имел все основания опасаться реакции Ленина. Письмо Горького очень задело его. Ответ Ильича 15 сентября — раздраженный и резкий — не оставляет в этом сомнений: «Какое бедствие, подумаешь! Какая несправедливость! Несколько дней или хотя бы даже недель тюрьмы интеллигентам для предупреждения избиения десятков тысяч рабочих и крестьян! <...> Таким "талантам" не грех посидеть недельки в тюрьме, если это *надо* сделать для *предупреждения* заговоров (вроде Красной Горки) <...> Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а г...»⁵⁴. Впрочем, 11 сентября, еще до приема Тонкова, на заседании Политбюро ЦК РКП(б), где присутствовали В.И.Ленин, И.В.Сталин, Л.Б.Каменев, Н.И.Бухарин, Ф.Э.Дзержинский и др., «по заявлению» Каменева, Луначарского и Горького рассматривался вопрос о «массовых арестах профессоров и ученых»⁵⁵ и было принято решение «предложить тт. Дзержинскому, Бухарину и Каменеву пересмотреть совместно списки и дела арестованных во время последних массовых арестов. Разногласия по вопросу об освобождении тех или других арестов[анных] вносить в ЦК»⁵⁶.

Понимая, что слово В.И.Ленина главное, но не единственное, Горький направил несколько очень резких писем-протестов и в другие адреса — председателю СНК коммун Северной области

Г.Е.Зиновьеву: «Аресты ученых не могут быть оправданы никакими соображениями политики, если не подразумевать под ними безумный животный страх за целостность шкуры тех людей, которые производят аресты»; немного позднее, непосредственно председателю ВЧК Ф.Э.Дзержинскому: «Я смотрю на эти аресты как на варварство, как на истребление лучшего мозга страны и заявляю, что <...> Советская власть вызывает у меня враждебное отношение к ней»⁵⁷. Демарш М.Горького, конечно, имел определенное значение, однако и он не мог приостановить или тем более отменить волну террора, охватившую обе столицы. 23 сентября в московских газетах появилось объявление о 67 расстрелянных профессорах и общественных деятелях, через день, 24 сентября, питерские газеты сообщили о 29 расстрелянных в Петрограде. «Поймите же, — взывал М.Горький к В.И.Ленину в очередном письме, сознательно или нет, но существенно искажая положение дел, — что на той, на белой стороне порядочных людей почти нет, ни одного крупного человека из мира ученых — все они остались по эту сторону, и не ради заговоров, а в искренней надежде, что новый строй даст им широкую возможность работать. <...> Деппа — выпустили, очень рад и благодарен. Освободите Терешина, Осипова — один из лучших хирургов, — Буша, Ольденбурга, Щербу и вообще ученых»⁵⁸. В конце концов в течение осени—зимы 1919—1920 гг. основная часть арестованных по «кадетскому» делу ученых была отпущена. Но главная цель была достигнута — интеллигенции был продемонстрирован наглядный урок поведения в новом обществе.

Подробностей о двух других арестах Н.Н.Мартиновича — в 1920 и 1921 гг. — пока обнаружено крайне мало. З.Г.Мицц по материалам фонда Комиссии по улучшению быта ученых (№ 2995), хранящегося в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, приводит архивное свидетельство обращения М.Горького в Петроградскую ЧК 3 мая 1920 г. с просьбой о срочном допросе Мартиновича и его освобождении в случае признания невиновным⁵⁹. Данные об аресте ученого как члена кадетской партии в ночь на 27 мая 1921 г. содержатся в сборнике документов «В.И.Ленин и ВЧК»⁶⁰; по-видимому, этот арест мог быть связан с началом репрессий по известному «Таганцевскому делу».

* * *

После освобождения из заключения Мартинович не стал ожидать четвертого ареста и где-то между июнем и ноябрем 1922 г. бежал на запад традиционным и налаженным для русских интеллигентов, в том числе востоковедов, путем — через Фин-

ляндию (так ушли из России японист С.Г.Елисеев, монголист А.Д.Руднев, сын академика-индолога историк С.С.Ольденбург и многие другие)⁶¹. В течение 1923 г. ученый жил в Праге, где тесно общался с выдающимся академиком-византинистом Н.П.Кондаковым и его учениками-евразийцами, прежде всего с историком Георгием Владимировичем Вернадским (1887—1973)⁶², которого хорошо знал по совместной работе в Петроградском университете и кадетской партии. Пражские связи сохранились на всю жизнь, и впоследствии Мартинович публиковался в изданиях знаменитого Кондаковского семинария (*Seminarium Kondakovianum*)⁶³.

В начале 1924 г. Мартинович перебрался в США и, в отличие от многих эмигрантов, довольно быстро устроился работать непосредственно по специальности. Уже 24 апреля 1924 г. он выступал в Колумбийском университете на ежегодном съезде Американского общества востоковедения (*Annual Convention of the American Oriental Society*) с сообщением о своей работе над поэтическим наследием турецкой поэтессы Михри-хатун (ум. 1514)⁶⁴, вскоре получил трехлетний контракт на преподавание в этом университете арабского, персидского и турецкого языков и литератур, а также истории Средней Азии и начал читать два часа в неделю курс «Восточные элементы в русском эпосе».

Как удалось Мартиновичу так быстро обосноваться в США, пока остается неизвестным, как, впрочем, и большинство подробностей его американской эпопеи. Возможно, здесь свою роль сыграл выдающийся историк-античник, академик и кадет Михаил Иванович Ростовцев (1870—1952), в 1918 г. уехавший из России, ставший профессором Йельского университета и неформальным дуайеном русской научной эмиграции. Несмотря на то что в частной переписке с известным византинистом А.А.Васильевым (1867—1953) Ростовцев весьма нелюбезно отзывался о Мартиновиче (ср. 9 ноября 1927 г.: «Ужасно скучный, довольно глупый и самохвальный болтун <...>»⁶⁵), однако на всем протяжении 1927 г. он постоянно следил за его судьбой в Колумбийском университете и даже просил своего друга, профессора этого университета У.Л.Вестерманна, помочь Мартиновичу⁶⁶.

Жизнь русской научной эмиграции в США существенно отличалась от европейской⁶⁷. «Русских академических организаций здесь нет никаких, руководящих людей тоже нет, — констатировал в 1927 г. историк Михаил Карпович (1887—1959), в будущем профессор Гарварда и редактор знаменитого "Нового журнала". — Есть отдельные лица, разбросанные по всей Америке, как Ростовцев, Васильев, Сорокин, Максимов⁶⁸, но никто из них никогда не проявлял желания объединиться или руководить»⁶⁹.

Типичное для довоенной Европы эмигрантское объединение русских ученых — «русская академическая группа» возникнет в США только в 1948 г., после значительного притока русских «европейских» беженцев. Отсутствие «национальных» организационных форм науки стало важным фактором быстрой адаптации многих русских ученых к чуждой профессиональной среде и в конечном счете способствовало их скорейшей интеграции в мировую науку. Одновременно русские могли продолжать и, как правило, продолжали идентифицировать себя с русской культурой, чему в немалой степени способствовали своеобразные русские коммуны в Нью-Хэвене, Питтсбурге, Чикаго и др., оказывавшие большую моральную и материальную поддержку соотечественникам.

Более удачливые русские американцы продолжали следить за судьбой менее успешных коллег и немало помогали им. Уже упоминавшийся Михаил Карпович информировал Г.В.Вернадского 9 апреля 1929 г.: «Здесь (т.е. в Гарварде) были Сорокин и Мартинович <...> Сорокин подавил меня своей важностью <...> около двух часов рассказывал лишь о своих успехах, о количестве (потрясающем!) написанных им книг и статей, о том, что какая-то его книга переведена даже на бенгальский язык и т.д. Мартинович, по своему обыкновению, про всех сплетничал и злословил. Его дела неважны. Он уходит из Колумбии и пока не нашел еще ничего другого»⁷⁰.

Однако, когда в 1937 г. в Йеле возникла преподавательская вакансия на кафедре санскрита и сравнительной филологии, возглавлявшейся выдающимся индологом Ф.Эджертоном, русские коллеги сделали все возможное, чтобы помочь Мартиновичу устроиться туда. А.А.Васильев писал Г.В.Вернадскому, работавшему в Йеле, 24 апреля 1937 г. из Мэдисона: «Его я знаю хорошо: в нем есть две очень положительные стороны: 1) его прекрасное знание турецкого языка, а также хорошее знакомство с персидским (знаком он и с арабским) и вообще хорошее знание Ближнего Востока; 2) искренняя преданность научной работе. Характер его бывает иногда, как мне говорили, не очень приятный; но за все долгие годы моего знакомства с ним я ни одной неприятности от него не видал. Выпить он иногда любит; но у него бывают и периоды, когда он совершенно не пьет. Мне кажется, что, если бы ему удалось попасть в Yale, даже на скромное жалование, и приобщиться к научной работе, это было бы для него большим поощрением и толчком к продолжению его научных работ. Он живет в New York в очень тяжелых условиях. Адрес его: Ник. Николаевич Martinovitch, 471 West 153 Street NYC. В лице Мартиновича Вы бы получили человека, которого можно

было бы использовать в нескольких направлениях. Затем, не забудьте, это даже при его тяжелых условиях, он продолжает работать: выпускает статьи, книги; и некоторые его тексты приняты были таким почтенным учреждением в Англии, как Gibb Memorial»⁷¹.

Последнее замечание касалось двух монографий Мартиновича, написанных на английском языке и сохранившихся в его личном архивном фонде в Отделе рукописей Нью-Йоркской публичной библиотеки (New York Public Library, Department of Special Collections), — "Mihri Khatun, a Turkish Poetess of the XVth century" и "Battal and Danishmend". В предисловии к книге о турецкой поэтессе Михри-хатун Мартинович писал, что идея этой монографии возникла еще во время работы на факультете восточных языков Петроградского университета. После того как вдова В.Д.Смирнова в конце мая 1922 г. передала Мартиновичу копию рукописи корпуса поэзии Михри, он непосредственно приступил к работе над текстом и 25 ноября 1922 г. в Гельсингфорсе на заседании Финно-угорского общества сделал первое сообщение⁷². В дальнейшем несколько крохотных заметок Мартиновича об этой работе появились в "Seminarium Kondakovianum", "Encyclopaedia of Islam" и в журнале "The Moslem World"⁷³, а в 1931 и 1949 гг. он вел переговоры о публикации обеих монографий со знаменитым английским "Gibb Memorial Trust", однако различные обстоятельства — от «дурного» характера автора, отсутствия стабильного профессионального статуса до проблем мировой геополитики — помешали их изданию, и они навсегда остались лишь «архивными рукописями».

* * *

Один из тех, с кем Н.Н.Мартинович поддерживал дружеские и научные контакты на протяжении всей жизни и кто его постоянно морально поддерживал, был известный евразиец, историк и преподаватель Йельского университета Георгий Владимирович Вернадский⁷⁴.

Переписка ученых продолжалась четверть века. Первое письмо Мартиновича Вернадскому датировано 19 сентября 1927 г.: «Приветствую Вас с приездом в Америку и желаю преуспевания», последнее — 14 октября 1951 г., буквально накануне болезни, приведшей Мартиновича к безвременной кончине. Десятки писем Николая Николаевича, сохранившиеся в фонде Г.В.Вернадского в Бахметевском архиве Колумбийского университета США, — наглядное свидетельство того, что эпистолярный диалог двух русских ученых-эмигрантов охватывал широкий круг научных про-

блем истории России и сопредельных восточных территорий, и в то же время он ярко характеризует быт русской гуманитарной эмиграции, навсегда оторванной от России, но никогда не перестававшей осознавать себя «русской».

Вернадского и Мартиновича сближала душевная и научная открытость восприятия окружающего мира; благодаря обширным знакомствам и переписке они одновременно существовали в трех интеллектуальных мирах: американском, русском эмигрантском и советском. «Я за Вами пристально слежу с Петербурга, с "Ваших Масонов"⁷⁵, — признавался ему Мартинович 27 октября 1946 г. — Ими Вы обещали быть крупным. Вас, как и всех, временно испортила Прага — мнение не только мое, но даже самого Кондакова в его письмах ко мне. Слава богу, выбравшись оттуда, Вы вернулись на свой путь, хотя здесь и трудно заниматься наукой без Европы». И несколько ниже в том же письме еще одно признание: «Вы — "настоящий", не из той многочисленной группы, что появилась здесь и которую сами американцы называют "empty barrel"*». Поэтому плюйте на Ecole, Institute, не защищайте их и не обижайтесь на меня. Делайте свое дело, к которому чувствуете влечение, и кладите свой кирпич в пирамиду общечеловеческого знания».

Восприятие Америки, ее научной и образовательной систем — одна из центральных тем, обсуждавшихся учеными. Отношение Мартиновича к принявшей его стране постоянно менялось, причем вектор все более смещался в негативную сторону. Так, 26 декабря 1945 г. он писал: «*Странная страна* (здесь и далее курсив автора писем. — М.С.) Америка <...> Около 300 высших учебных заведений, в одной Columbia <...> около 2000 профессоров и преподавателей, в каждом квартале академия (даже бильярдная), в каждой подворотне институт, а ученых нет. Вроде А.К.Толстого:

Земля наша богата,
Порядка только нет.

Невольно вспоминаю слова, сказанные мне когда-то самим Ростовцевым (!) о курсах, читаемых здесь: "учеба". Он прав».

В письме от 27 октября 1946 г. он, в частности, писал: «Было хорошее издание "Byzantion", а сейчас затерли <...> А что здесь научно работать тяжело, отрицать нельзя: придет большой европеец и сидит молча или же должен печататься в Европе».

В то же время Мартинович внимательно следил за судьбой коллег-ориенталистов в СССР, с некоторыми из которых он пе-

* То есть «пустышка» (англ.).

реписывался до и после Второй мировой войны. Так, появление в 1946 г. в нью-йоркской русскоязычной газете «Новое русское слово» серии статей, подписанных «И.Крачковский», заставило Мартиновича немедленно написать в СССР, и уже 16 октября 1946 г. он сообщал Вернадскому: «Очень порадовал меня Крачковский. Надеюсь, помните его. Прислал длинейшее и интересное письмо. Сплошной мартиролог, но много ценной библиографии».

В следующем письме (27 октября 1946 г.) Мартинович поделился с Вернадским полученной с родины информацией: «Коковцов *погиб* от блокады 1 января 1942 г. Щербатской процветал, получил от властей назад свое имение в Боровичах, Новгородской губ., где умер в 1942 г.⁷⁶ *Давно погиб* (?) Самойлович⁷⁷, бывший предсмертно сделан академиком. Бертельс был в Ташкенте, прощен, сидит в Москве⁷⁸. Ромаскевич *пропал* без вести (?) в Ленинграде⁷⁹. Других имен Вы не знаете. Дает много библиографии; Вам, пожалуй, интересно только: выходит книга Н.В.Пигулевской, Византия и Иран. Прислал он [Крачковский] мне: 1) Труды второй сессии ассоциации арабистов. (Труды института востоковедения, вып. XXXVI). Очень интересна, 30 стр., статья его самого "Арабистика в СССР за 20 лет", где на самом деле подробно описана вся арабистика с конца 18 века. 2) Источник "витязя буланого коня" и других восточных повестей Сенковского (Труды Военного института иностранных языков № 2, 1946). Блестяще. 32 стр. 3) Арабская литература и арабы в произведениях Горького (Известия Академии наук. Отд. литер. и языка. 1946. Т. V. вып. 1), занятно. 4) Чехов в арабской литературе (Ibid. Т. III, вып. 5, 1944). Курьезно. 5) Отзвуки революции 1905 г. в арабской художественной литературе (Советское востоковедение. Т. III). Очень интересно. 6) Обстоятельный обзор арабской лексикографии в Европе и России с 1653 г. в виде предисловия к словарю Баранова⁸⁰ (Академия наук. Институт востоковедения. 1946). Блестяще. 7) Над арабскими рукописями (Академия наук. Дополн. 2-е изд. 1946. 170 стр. со многими портретами). Нечто вроде истории востоковедения. Поучительно, интересно, много ценного».

Это свидетельство живого интереса и позитивного отношения к достижениям советской науки тем более ценно, что обычно Мартинович раздавал коллегам весьма нелицеприятные характеристики. Так, об известном арабисте А.Е.Крымском он писал 27 сентября 1945 г.: «Ничего своего, он компилирует европейцев»; 6 октября 1945 г.: «Недавно мне, по необходимости, пришлось *опять* просмотреть его арабскую 1001 ночь (прислал Карпович из Harvard Library) — океаны путаницы. Чтобы не быть

голословным: *сам* Бартольд откопал, что у Крымского Багдад то на Тигре, то на Евфрате»; по монголам, предупреждал Мартинович Г.В.Вернадского, «не доверяйте давно умершему А.М.Позднееву — был большой нахал (Д.М.Позднеев — японист, тоже скверный)».

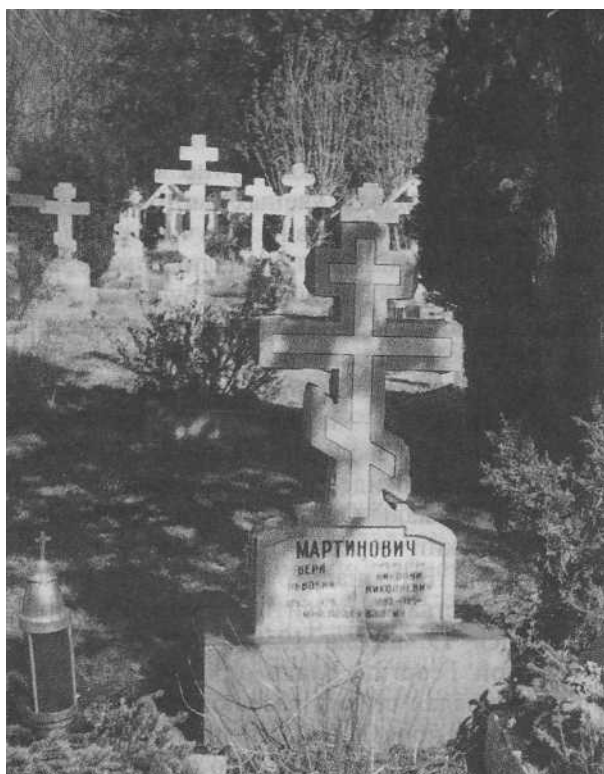
Более высоко, хотя и столь же научно взыскательно, Мартинович оценивал труды русских ученых-эмигрантов. 3 июля 1948 г. он сообщал Вернадскому: «Недавно получил, как и Вы, конечно, новую работу [А.А.]Васильева⁸¹. Громадный материал, хороший анализ, но многословно. В сентябре ему будет 81! Я ему написал, что он — "молодчинище" <...> На прошлой неделе мне пришлось сильно поковырять Минорского Худуд. Ценная вещь Худуд. Случайная заслуга Туманского (был мировой знаток бабизма)⁸², научная заслуга Бартольда — издал текст и часть перевел, очень хороший английский перевод Минорского. Но зачем он после перевода 70 страниц персидского текста наворотил океан комментариев — не понимаю. Очевидно, *pour épater les bourgeois**. Но все-таки Минорский — редко одаренный человек».

На выход статьи Г.В.Вернадского о влиянии евразийских кочевников и их искусства на развитие мировой истории⁸³ Мартинович откликнулся 19 апреля 1950 г. теплым приветственным письмом: «Дорогой Георгий Владимирович! Николай II на всеподданнейших докладах ставил резолюцию: "Прочел с удовольствием". А я скажу: прочел внимательно и с интересом. Ваша работа серьезна и содержательна. Делю ее на две части. Первая. Талантливая и с чувством написанная ода кочевникам и по заслугам. Вторая. Их искусство. Пока *animal style*. Если помните, несколько лет тому назад был долгий бой по этому вопросу между Ростовцевым и Pelliot⁸⁴: с Запада на Восток или обратно? Я устно впутался и сделал доклад в Oriental Club: оба правы, ибо торговля происходила взаимно и даже двумя путями — северным и южным. Pelliot присутствовал и со мной согласился. Вы хорошо разобрались в этом. Надеюсь, это начало. Искусство кочевников велико».

* * *

Это было одно из последних писем Николая Мартиновича. 18 сентября 1954 г. он скончался в одном из госпиталей Нью-Йорка. По словам Г.В.Вернадского, «он уже собственно года три как выбыл из жизни — был, по-видимому, в полупараличном состоянии, не мог ни писать, ни, кажется, даже читать, так что

* Чтобы ошеломить/эпатировать обывателя (франц.).

Могила *Н.Н. Мартиновича* и его жены
на кладбище православного Ново-Дивеевского
женского монастыря в США

смерть для него освобождение»⁸⁵. На следующий день после кончины ученого, 19 сентября, его некролог появился в одной из самых известных американских газет — "New York Times".

Возвращаясь к ответу на вопрос в начале статьи: что важнее для развития науки — деньги или свобода, на примере судьбы Николая Мартиновича, весьма репрезентативной для многих наших соотечественников-ученых, выброшенных в эмиграцию после 1917 г., можно констатировать, что есть еще и третья, едва ли не самая существенная для реализации научной судьбы ученого составляющая — заинтересованная профессиональная поддержка научной среды. Только при ее наличии в любом обществе начинают эффективно работать и «деньги» и «свобода».

¹ *Graham L.* What Have We Learned About Science and Technology from the Russian Experience (Stanford, 1998); см. гл. 3 этой книги в русском переводе А.Ю.Стручкова (*Грэхэм Л.* Устойчива ли наука к стрессу? — Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 4, с. 3—17).

² Отдельные ответы на этот вопрос см.: Репрессированные этнографы. — Сост. и отв. ред. Д.Д.Тумаркин. Вып. 1. М., 1999 (2-е изд. М., 2003); *Решетов А.М.* Репрессированная этнография: люди и судьбы. — Кунсткамера: Этнографические тетради. Вып 5/6. СПб., 1994, с. 342—368; *он же.* Отдание долга. — ЭО. 1995. № 2, с. 40—62; № 3, с. 3—19; № 4, с. 3—24; *Слезкин Ю.* Советская этнография в нокдауне: 1928—1938. — ЭО. 1993, № 2, с. 113—125; *Соловей Т.Д.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии: История отечественной этнологии первой трети XX в. М., 1998; *она же.* «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х—начало 1930-х годов) — ЭО. 2001, № 3, с. 101—121; *Slezkine Ju.* The Fall of Soviet Ethnography, 1928—1938. — *Current Anthropology*. Vol. 32, № 4 (August—October, 1991), p. 476—484.

³ Впервые многие из этих имен были указаны еще в конце 1970-х в пионерской публикации Ф.Ф.Перчѣнка (под псевд. Вознесенский И.): *Вознесенский И.* Только востоковеды... — Память: Исторический сборник. Вып. 3. М., 1978; Париж, 1980, с. 455—456; см. также: *Никитин Василий.* Свидетельские показания в деле о русской эмиграции / Публ. М.Ю.Сорокиной. — Диаспора: Новые материалы. Вып. 1. Париж; СПб., 2001, с. 587—644; *Решетов А.М.* Из истории отечественного этнографического зарубежья: Владимир Алексеевич Иванов (1886—1970). — Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения, 1996—1997 гг. СПб., 1998, с. 143—144.

⁴ *Шавров К.Б.* Владимир Ильич Иохельсон — СЭ. 1935, № 2, с. 3—15.

⁵ *The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus.* Leiden—N.Y., 1924; *Peoples of Asiatic Russia.* N.Y., 1928; *History, Ethnology and Anthropology of the Aleut.* Wash., 1935.

⁶ См. о нем: *Решетов А.М.* С.М.Широкогоров — сотрудник МАЭ. — Развитие культуры в каменном веке: Краткое содержание докладов на международной конференции, посвященной 100-летию Отдела археологии МАЭ. СПб., 1997, с. 30—32; *Кошечков Н.В.* Забытое имя: Сергей Михайлович Широкогоров как этнограф. — Россия и АТР. 1999, № 4, с. 150—155; *Хусамутдинов А.А.* Сергей Михайлович Широкогоров. — Вестник Дальневосточного отделения РАН. 1999, № 5, с. 95—100.

⁷ Полностью опубли.: *Никитин Василий.* Свидетельские показания в деле о русской эмиграции, с. 605—606.

⁸ Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. О связях В.Ф.Минорского с советскими востоковедами см.: *Лавриненко Н.А.* Профессор Владимир Федорович Минорский и его переписка с советскими востоковедами. — Иран. История и культура в средние века и в новое время. М., 1980, с. 143—167; Из эпистолярного наследия Владимира Федоровича Минорского / Вст. статья, сост. и комментарий Дж.Дорри. — Народы Азии и Африки. 1990, № 6, с. 98—110; *Базиянц А.П.* Параллели, которые сходятся на родной земле (Гордлевский и Минорский). — Восток. 1991, № 1, с. 102—110.

⁹ Цит. по: *Никитин Василий.* Свидетельские показания в деле о русской эмиграции, с. 598 (запись 17 декабря 1925 г.).

¹⁰ Отчет о командировке в Малую Азию в 1906 г. — Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1907. Сер. 2, № 7, с. 52—53.

¹¹ Здесь же покоится прах его жены Веры Львовны (1896—1972).

¹² См., например: *A New Gallery of Persian Art.* N.Y., 1925; *A Catalogue of Turkish and Persian Manuscripts Belonging to Robert Garrett and Deposited in the*

Princeton University Library Princeton, N.Y., 1926; The Kevorkian Collection. N.Y., 1927—1928. Vol. 1, 2; The Tabbagh Collection. N.Y., 1936 и др.

¹³ См. о нем: *Дмитриев Н.К.* Труды русских ученых в области тюркологии. — Ученые записки МГУ. 1946. Вып. 107; *Векилов А.П.* Изучение турецких диалектов Малой Азии дореволюционными и советскими учеными. — Ученые записки Института востоковедения АН СССР. 1960. Т. 25, с. 295, 296; *Кононов А.Н.* Тюркология в Ленинграде (1917—1957). — Ученые записки Института востоковедения АН СССР. 1960. Т. 25, с. 280; Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период / Подг. А.Н.Кононов. 2-е изд., переработ. М., 1989, с. 158; Скифский роман / Под общ. ред. Г.М.Бонгард-Левина. М., 1997, с. 267, 268, 280, 296, 348, 349, 360, 457, 458, 526; История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997, с. 188—189; *Сорокина М.Ю.* «Душевно Ваш Н.Мартинович»: К истории русской этнографии и эмиграции (по материалам архивов США). — Актуальные проблемы изучения истории отечественной этнографии и антропологии XX в.: Тезисы симпозиума 1 июня 2000 г. / Сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М., 2000, с. 23—24. В «Аннотированном указателе рукописных фондов ГПБ» (Вып. 3 (Л-Р). Л., 1983, с. 68) приводится краткое описание небольшого личного архивного фонда Н.Н.Мартиновича (№ 467, 44 ед. хр. за 1902—1922 гг.).

¹⁴ ЦГИА, ф. 14, оп. 3, д. 38766.

¹⁵ Там же, л. 10, 18.

¹⁶ Там же, л. 34.

¹⁷ См.: Архив внешней политики Российской Империи, ф. 149 (Турецкий стол (новый), оп. 502а (1911), д. 1063, л. 23; оп. 502 (6), д. 149, л. 26—27; ф. 180 (Посольство в Константинополе), оп. 517/2, д. 6039, л. 2, 5, 136, 138; ф. 159 (Департамент личного состава МИД), оп. 725 (1913), д. 12, л. 47, 48, 60.

¹⁸ ОР РНБ, ф. 467 (Мартинович), д. 25, 26, 29, 30; *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. Л., 1982, с. 170.

¹⁹ Подробнее см.: *Беляев Л.А.* Христианские древности. СПб., 1999, с. 194.

²⁰ Подробнее см.: *Басаргина Е.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе. Очерки истории. СПб., 1999.

²¹ Там же, с. 138.

²² См. о нем: Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов, с. 217—218; История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года, с. 189—191; а также: *Маштакова Е.И.* В.Д.Смирнов — исследователь турецкой литературы. — Советская тюркология. 1971, № 4, с. 115—123; *Твертунова А.С.* В.Д.Смирнов — историк Турции. — Там же, с. 105—114.

²³ *Старостин Б.А.* Петербургская Академия наук в поисках национальной самоидентификации. — Российская Академия наук: 275 лет служения России. М., 1999, с. 259—321; *Трохачев С.Ю.* Немцы и русские в Академии наук первых лет XIX в. — Немцы в России. Петербургские немцы. СПб., 1999, с. 92—98; *Васильева Н.Е.* Немцы-востоковеды в Академии наук (XVIII—первая половина XIX в.). — Там же, с. 128—136.

²⁴ История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года, с. 190.

²⁵ Здесь и далее большинство сведений о Н.Н.Мартиновиче приводится на основании его писем историку Г.В.Вернадскому (о нем см. примеч 62), которые хранятся в США, в личном фонде Г.В.Вернадского (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University), BAR G.Vernadsky Coll. Вох 49. Местонахождение ответных писем Г.В.Вернадского пока неизвестно.

²⁶ Характерно, что в предисловии к описи фонда отмечено, что «сведений о поступлении фонда не обнаружено». По-видимому, он попал в библиотеку не-

посредственно перед или сразу после бегства Н.Н.Мартиновича из России в 1922 г.

²⁷ ОР РНБ, ф. 467, д. 3, 4.

²⁸ Текст доклада и отчета см.: там же, д. 6, 7; доклад опубликован: *Мартинович Н.Н.* Поездка в Брусу 1905 г. — Известия ИРГО. 1908. Т. 44, вып. 1/2, с. 25—53.

²⁹ До Мартиновича здесь побывал В.Ф.Минорский, см. его статью: *Минорский В.Ф.* У русских подданных султана. — ЭО. 1902, № 2.

³⁰ ЦГИА, ф. 14, оп. 3, д. 38766, л. 31, 32.

³¹ *Мартинович Н.Н.* Турецкий театр «Карагёз». — Живая старина. 1909. Вып. 2/3, с. 94—105, прил. с. 13—60; 1910. Вып. 1/2, с. 61—110. Кроме того, турецкому театру был посвящен доклад «Традиционный театр в странах Малой Азии» (ОР РНБ, ф. 467, д. 18 (1910) и статья «Малоазийские сказки, рассказы и анекдоты (Из материалов по османскому фольклору)» (Живая старина. 1910. Вып. 3, с. 233—253).

³² Proben der Volkslitteratur der Turkischen Stämme von Dr. Radloff. Th. VIII. Mundarten der Osmanen. 1899. S. 310—408. Упомянем также, что *карагёзом* интересовался ученик В.Р.Розена, дипломат Алексей Федорович Шебунин (1867—?), чей доклад «О подготовительных работах его по изданию сборника пьес турецкого народного театра (Карагёз)» В.Д.Смирнов прочитал в Восточном отделении Русского археологического общества 18 февраля 1898 г. (Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества (далее — ЗВОИРАО). Т. 11, с. VII; *Лукин Б.В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Таш., 1965, с. 105. Однако в дальнейшем Шебунин к этой теме не возвращался. Кроме того, турецкий народный театр неоднократно упоминался европейскими путешественниками и журналистами, побывавшими в Османской империи; см., например, знаменитое «Путешествие на Восток» Жерара де Нерваля, где *карагёзу* посвящена целая глава.

³³ *Мартинович Н.Н.* Турецкий театр «Карагёз».

³⁴ *Мартинович Н.Н.* Турецкая сказка об «угадчике поневоле». — Сборник в честь 70-летия Г.Н.Потанина. СПб., 1909, с. 87—98.

³⁵ ОР РНБ, ф. 467, д. 17. См. также его перевод этнографических очерков М.Чакир-оглу «Юрюки» (там же, д. 37).

³⁶ Статья о сборнике, рукопись которого была получена еще В.В.Радловым от турецкого военного агента в Германии Мемеда Реиф-Фуад-бея в конце 1890-х годов в Берлине, а в 1906 г. перешла во владение Мартиновича после смерти П.М.Мелиоранского, датирована только октябрём 1915 г. (Петроград) и опубл.: Новый сборник стихов Джелаль-эд-Дина Руми и султана Веледа. — ЗВОИРАО. 1917. Т. 24, с. 205—232.

³⁷ ЗВОИРАО. 1910. Т. 19, вып. 4, с. XLVII.

³⁸ *Мартинович Н.Н.* Из критских впечатлений турецкого путешественника XVII в. и русского XX в. — ЗВОРАО. 1916. Т. 23, вып. 3/4, с. XVII—XVIII.

³⁹ ОР РНБ, ф. 467, д. 31.

⁴⁰ См.: *Умяков И.И.* Аннотированная библиография трудов академика В.В.Бартольда; *Туманович Н.Н.* Описание архива академика В.В.Бартольда. М., 1976, с. 361.

⁴¹ BAR, G.Vernadsky Coll. Box 49. Упомянуты: Милюков Павел Николаевич (1859—1943) — историк, председатель ЦК кадетской партии, министр иностранных дел Временного правительства (март—май 1917), затем в эмиграции; Шингарев Андрей Иванович (1869—1918) — кадет, член ЦК партии и министр Временного правительства, убит матросами в больнице; Винавер Максим Моисеевич (1863—1926) — адвокат, член ЦК кадетской партии, депутат I Государственной Думы, с ноября 1918 по апрель 1919 г. министр внешних сношений

Крымского краевого правительства, затем в эмиграции; Дубоссарский Эммануил Абрамович (1879—1920) — кадет, адвокат, гласный Петроградской городской думы, расстрелян большевиками в Керчи 27 декабря 1920 г. вместе со всей керченской организацией кадетов.

⁴² В.И.Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917—1922). М., 1987, с. 204.

⁴³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51, с. 52.

⁴⁴ Два эпизода из жизни литературных организаций. — Минувшее: Исторический альманах. Вып. 1. Париж, 1986, с. 323.

⁴⁵ ЦГИА, ф. 7240, оп. 14, д. 127.

⁴⁶ ГАРФ, ф. А2307, оп. 2, д. 639а, л. 3—5.

⁴⁷ ЦГИА, ф. 7240, оп. 14, д. 127, л. 10.

⁴⁸ Там же, л. 16.

⁴⁹ Непременный секретарь Академии наук (1905—1929) индолог Сергей Федорович Ольденбург (1863—1945) и астроном Аристарх Аполлонович Белопольский (1854—1934).

⁵⁰ Архив А.М.Горького при ИМЛИ Пгл-9-86, л. 1—2.

⁵¹ Цит. по: *Исаков С.* Неизвестные письма М.Горького к В.Ленину. — Радуга (Таллинн). 1992, № 5, с. 80.

⁵² Архив А.М.Горького при ИМЛИ МоГ 12-27-2.

⁵³ Цит. по: *Овчаренко А.* Публицистика М.Горького. М., 1965, с. 405—406.

⁵⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51, с. 48—49.

⁵⁵ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 1: 1919—1929. Каталог. М., 2000, с. 39, 40.

⁵⁶ Известия ЦК КПСС. 1989, № 1, с. 241.

⁵⁷ Там же, с. 239, 241.

⁵⁸ Два письма В.И.Ленину об отношении к интеллигенции. — Кентавр. 1993, № 1, с. 61, 62.

⁵⁹ *Мицц З.Г.* А.М.Горький и КУБУ. — Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 217: Труды по русской и славянской филологии. XIII: Горьковский сборник. Тарту, 1968, с. 184.

⁶⁰ В.И.Ленин и ВЧК, с. 428—429; см. также: *Бережков В.И.* Питерские прокураторы: Руководители ВЧК—МГБ. 1918—1954. СПб., 1998, с. 114 (упомянут как арестованный 2 июня 1921 «профессор Н.Н.Мартыневич»).

⁶¹ Об этом см.: *Елисеев С.Г.* Тюремный дневник (май—июнь 1919): Воспоминания о Петрограде (1919—1920) и побег в Финляндию. — Уроки гнева и любви: Сборник воспоминаний о годах репрессий (20—80-е гг.) / Сост. и ред. Т.В.Тигонен. Вып. 4. СПб., 1993, с. 9—44; Письма Э.Ю.Розенберг к академику Ф.И.Щербатскому / Публ. Т.В.Ермаковой. — Восток. 1996, № 1, с. 127.

⁶² Вернадский (Vernadsky) Георгий Владимирович (1887—1973) — историк, один из идеологов евразийства, сын академика В.И.Вернадского. К 1917 г. — приват-доцент Петербургского университета. В эмиграции с 1920 г.: Константинополь, Афины (1921—1922), с марта 1922 г. в Праге. С осени 1927 г. — преподаватель, с 1946 г. — профессор Йельского университета США. О нем см.: *Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1998; *Козляков В.Н.* «Это только персонализация не нашего понимания исторического процесса» (Георгий Владимирович Вернадский (1887—1973) и его «Очерки по русской историографии»). — Георгий Вернадский. Русская историография. М., 1998, с. 5—26; *он же.* Обзор коллекции документов Г.В.Вернадского в Бахметевском архиве Библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке. — Там же, с. 395—444; *Соничева Н.Е.* Становление и развитие исторической концепции Г.В.Вернадского. М., 1994; *Сорокина М.Ю.* Георгий Владимирович Вернадский. — Природа. 1999, № 2, с. 89—102; «Очень горько мне»: Письма Георгия Вернадского / Публ. М.Ю.Сорокиной. — Источник. 1999, № 1, с. 45—56 и др.

⁶³ См.: The Tomb of Mihri. — *Seminarium Kondakovianum: Recueil d'études*. Prague, 1929. Vol. 3, с. 47; Могила Мигри в Алеасии. — *Seminarium Kondakovianum*. Vol. 3. Prague, 1930, с. 44—48.

⁶⁴ См.: *Journal of the American Oriental Society*. 1924. Vol. 44, с. 158.

⁶⁵ Скифский роман, с. 269.

⁶⁶ Там же, с. 267—269, 348.

⁶⁷ Попытку сравнительного анализа см.: *Hassel James E. Russian Refugees in France and the United States between the World Wars*. — *Transactions of the American Philosophical Society*. 1991. Vol. 81, pt 7; а также: *Сорокина М.Ю.* «Разбросанные по всей Америке». — *Природа*. 2000, № 4, с. 55—57.

⁶⁸ Сорокин Питирим Александрович (1889—1968) — известный социолог, правый эсер, с 1919 г. профессор Петроградского университета, с 1922 г. в эмиграции. Профессор Гарвардского университета США; Максимов Александр Александрович (1874—1928) — гистолог, эмбриолог.

⁶⁹ BAR, G.Vernadsky Coll. Box 3 (письмо М.М.Карповича Г.В.Вернадскому от 12 сентября 1929 г.).

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ Ibid. Box 11.

⁷² *Suomalais-Ugrilainen Seuran Aikakauskirja*. — *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1923. Vol. 39, с. 81.

⁷³ The Tomb of Mihri. — *Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études*. Vol. 3. Prague, 1929, p. 47. *Encyclopaedia of Islam*. Vol. 3, 1931, p. 491; *Amasia — Necropolis of Asia Minor*. — *The Moslem World*. 1932. Vol. 22, p. 53.

⁷⁴ Так, когда осенью 1947 г., собираясь продолжить издание «Анналов» Кондаковского института, А.В.Флоровский запрашивал Г.В.Вернадского о возможных авторах, он рекомендовал Н.Н.Мартиновича (см.: *Аксенова Е.П.* Институт им. Н.П.Кондакова: Попытки реанимации (по материалам архива А.В.Флоровского). — *Славяноведение*. 1993, № 4, с. 67).

⁷⁵ Имеется в виду монография «Русское масонство при Екатерине II», защищенная Г.В.Вернадским на звание магистра русской истории 24 октября 1917 г. в Петроградском университете (издана в Петрограде в 1917 г.).

⁷⁶ Эта информация была неверной. Академик-индолог Федор Ипполитович Щербатской скончался в пос. Боровое (Казахстан), куда был эвакуирован с другими членами АН СССР.

⁷⁷ Тюрколог Александр Николаевич Самойлович (1880—1938) был избран действительным членом АН СССР еще в 1929 г., в 1934—1937 гг. возглавлял Институт востоковедения АН СССР. Арестован в октябре 1937 г., расстрелян 13 февраля 1938 г. Реабилитирован в 1956 г.

⁷⁸ Тюрколог Евгений Эдуардович Бертельс (1890—1957), в 1939 г. избранный членом-корреспондентом АН СССР, был арестован 19 сентября 1941 г., однако в ноябре того же года освобожден. В 1942—1946 гг. — научный сотрудник Института языка и литературы Узбекского филиала АН СССР. После войны переехал в Москву. Лауреат Сталинской премии 2-й степени (1948).

⁷⁹ Тюрколог Александр Александрович Ромаскевич (1885—1942), заведующий рукописным отделом Института востоковедения АН СССР, погиб во время блокады Ленинграда.

⁸⁰ См.: *Баранов Х.К.* Арабско-русский словарь. Вып. 3—4. М., 1946.

⁸¹ Имеется в виду «История Византии».

⁸² Туманский Александр Григорьевич (1861—1920) — военный, тюрколог, арабист, иранист, крупнейший знаток истории религиозной секты бабидов, издал их «Священнейшую книгу» (1899). В 1892 г. друг Туманского Бабид Абу л-Фазл Гульпаегани нашел в Бухаре и в 1893 г. передал Туманскому выдающийся памятник географической литературы X в. на персидском языке «Худуд ал-алем» — «Пределы мира» (или: Рукопись Туманского). Издан В.В.Бартольдом

(Худуд ал-'алем. Рукопись Туманского. С введ. и указателем В.Бартольда. Л., 1930) и переведен В.Ф.Минорским (1937) на английский язык.

⁸³ См.: The Eurasian Nomads and Their Art in the History of Civilization. — Saeculum. I (1950), p. 74—86.

⁸⁴ Pelliot Paul (1878—1945) — известный французский ориенталист.

⁸⁵ BAR, V.P.Nikitin Coll. Вох I (письмо В.П.Никитину от 5 октября 1954 г.).